

И. С. Вдовин

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ИТЕЛЬМЕНОВ

В существующих лингвистических и этнических классификациях принято относить ительменов к чукотско-корякской, а по другой терминологии — к чукотско-камчатской группе народов, которая состоит из чукчей, разных территориальных подразделений коряков, кереков и ительменов.

Отнесение ительменов к чукотско-корякской группе основывалось чаще всего на палеоазиатской гипотезе Л. И. Шренка¹, хотя сам он не считал ительменов принадлежащими к этой группе, а скорее утверждал обратное. Основанием для отнесения Л. И. Шренком определенного круга народов к палеоазиатам служили, как известно, их языковая особенность и географическая изолированность. Так, он писал: «В географическом же отношении, с первого взгляда бросается в глаза то обстоятельство, что почти все подобные народы живут по краям или окружности материков... Особенно в Восточной Азии, берега которой почти всюду имеют такое очертание, всюду окаймлены полуостровами и континентальными островами или грядами островов, тянется до крайнего севера непрерывный ряд изолированных по своему языку народов. Таковы именно — ...гиляки, айны, камчадалы, коряки и чукчи, юкагиры, чуванцы... К ним примыкают ...алеуты, ...эскимосы и др.»².

Как следует из этого текста, Л. И. Шренк объединял лишь коряков и чукчей, тогда как ительменов, наряду с гиляками, айнами и другими, рассматривал как особую народность.

Не относили ительменов к чукотско-корякской группе народностей и самые ранние их наблюдатели и исследователи.

Так, В. Атласов, автор замечательных по своей полноте и точности наблюдений «сказок» о Камчатке, писал: «Камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян»³. Как видно, чисто внешнее отличие ительменов было настолько явным, что В. Атласов не нашел возможным сравнить их ни с одним ближайшим народом, в частности с коряками, которых он видел и знал. Вместе с тем для него было также очевидно, что ительмены говорят на совершенно особом языке, отличающемся от корякского.

Не считали ительменов генетически связанными с коряками и Г. Стеллер, и С. П. Крашенинников, авторы самых ранних монографий о Камчатке и ительменах. Хотя взгляды С. П. Крашенинникова на происхождение и генетические связи ительменов расходятся со взглядами Г. Стеллера, в одном они остаются общими — ительмены не являются частью или ответвлением их северных соседей — коряков и чукчей.

Г. Стеллер считал, что «по внешнему виду, по обычаям, по имени, по языку, платью, и по другим обстоятельствам думать можно, что камчадалы в древние годы переселились туда из Мунгалии»⁴.

¹ Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, т. I, стр. 257.

² Там же, стр. 256.

³ «Колониальная политика даризма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., «Сборник архивных материалов, Описание земли Камчатки», М.— Л., 1949.

⁴ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М.— Л., 1949, стр. 362—363.

Возражая Г. Стеллеру главным образом против «мунгальского» происхождения ительменов, С. П. Крашенинников, в свою очередь, отмечал: «Если... положить, что коряки и камчадалы один народ, и в одно время или несколько лет спустя одни после других переселились, то удивительно отчего у коряк и камчадалов такая разность в языке, когда они всегда в соседстве жили и имели обхождение? Между славенскими и другими языками,— продолжает С. П. Крашенинников,— которые происходят от одного начала, везде есть остатки коренных слов как сущее доказательство их происхождения, хотя разделение народов за многие века случилось, и хотя народы одного языка не имеют между собой никакого почти сообщения, а в языке коряцкого народа (оленных разуметь должно) трудно сыскать слово, которое бы походило на камчатское»⁵.

С. П. Крашенинников и Г. Стеллер застали ительменов тогда, когда их быт, культура и язык едва начинали испытывать влияние русской культуры и русского языка и сохраняли еще свою самобытность.

В своих сочинениях о Камчатке и Г. Стеллер, и С. П. Крашенинников, касаясь быта и культуры ительменов, сообщают много таких подробностей, по которым можно составить определенное представление об этнических особенностях этой народности. И в области материальной культуры, и особенно в области духовной культуры ительмены существенно отличались от коряков и чукчей, хотя некоторые элементы культуры у них были общими, особенно с оседлыми коряками, жившими по соседству с ними. Это вполне закономерное явление не исключает генетической обособленности двух народов, оказавшихся соседями лишь в силу исторических обстоятельств. Несмотря на, видимо, продолжительные связи с коряками как на восточном, так и на западном побережье Камчатского полуострова, ительмены сохраняли много самобытных черт своей культуры. Так, ительмены имели несколько отличающийся конструктивно от коряцкого тип зимнего жилища, иной тип — летнего (балаганы на сваях)⁶, особый вид нарты и упряжки собак⁷. Они широко применяли в быту изделия из травы, вплоть до одежды (накидки), плели ковры, делали травяные мешки, корзины, сумки и другие бытовые предметы⁸, панцири⁹. Ряд существенных отличительных признаков был и у одежды ительменов: кухлянки имели сзади хвосты¹⁰, хотя по конструкции они также были глухими подобно коряцким и чукотским. Иначе ительмены готовили рыбу: преобладало копчение и печение, чего не было у коряков¹¹. У ительменов был распространен особый способ приготовления горячей пищи в деревянной посуде при помощи раскаленных камней и т. д., и т. п. Ительмены широко пользовались народной медициной при лечении самых разнообразных недугов, для чего применяли различные травы¹², в то время как коряки пользоваться в этих целях травами совершенно не умели.

Особый характер носили благодарственные праздники ительменов, сопровождавшиеся сложными пантомимами, плясками, пением¹³. Отличались и их бытовые обряды, связанные с выходом замуж¹⁴, с рождением ребенка¹⁵, с похоронами детей и взрослых. Детей они хоронили «в дуплеватых деревьях». Взрослых покойников довольно бесцеремонно, без каких-либо приготовлений, вытаскивали из юрты через входное

⁵ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 365.

⁶ Там же, стр. 373—378.

⁷ Там же, стр. 396.

⁸ Там же, стр. 384—385.

⁹ Там же, стр. 404.

¹⁰ Там же, стр. 387.

¹¹ Там же, стр. 394.

¹² Там же, стр. 440, 441, 459.

¹³ Там же, стр. 421.

¹⁴ Там же, стр. 435.

¹⁵ Там же, стр. 437.

отверстие в кровле и оставляли на поверхности земли¹⁶. У них не было представления о загробной жизни, поэтому с покойниками не клали никаких предметов, которыми он пользовался при жизни, как это делали коряки и чукчи. Следовательно, и в этих обычаях прослеживаются резкие отличия ительменов от их северных соседей.

Отличными от корякских и чукотских были и религиозные представления ительменов¹⁷. Например, их домашние «идолы»-охранители — хантай и ажушак (первый делался из дерева «наподобие сирены, т. е. с головы по груди человеком, а оттуда рыбою», второй — деревянный столбик «с обделанным верхом наподобие головы человеческой»), ни по форме, ни по представлениям о них и об их функциях не соответствовали домашним охранителям коряков и чукчей (связки семейных охранителей — тайн'ыквыт, деревянный прибор для добывания огня). Ительмены не имели бубнов, тогда как у коряков и чукчей были семейные и шаманские бубны.

Праздники и другие торжества ительмены сопровождали пением, которое отличалось особой музыкальностью. «Их песни,— писал Стеллер,— так мелодичны и настолько стройны по соблюдению правил музыки, ритму и каденциям, что этого никак нельзя было бы предположить у такого народа... они умеют петь не только в унисон, но и подпевают друг другу на два-три средних голоса»¹⁸. У коряков и чукчей пения песен, да еще многоголосого, «в унисон», не было совершенно.

По данным Крашенинникова и Стеллера, можно проследить еще больше отличий в материальной и духовной культуре ительменов от материальной и духовной культуры чукчей и коряков, если заниматься детальными сопоставлениями. Однако важно отметить то, что и Крашенинников, и Стеллер признавали генетическую обособленность ительменов от чукчей и коряков. Такому выводу немало способствовали языковые отличия ительменов, что довольно подробно и обстоятельно представлено главным образом в труде С. П. Крашенинникова¹⁹.

Генетическую обособленность ительменов от коряков и чукчей подчеркивал также В. Маргаритов. Он считал, что «Антропологическое родство коряк с чукчами и резкая разница их с камчадалами (т. е. ительменами. — И. В.) заставляет предполагать, что существовала более явственная физическая граница между этими разнотипичными народами, нежели таковая существует в данное время»²⁰. Не вдаваясь в тонкости аргументации В. Маргаритова (антропологических исследований на Камчатке тогда по существу не было), нельзя не прислушаться к голосу этого исследователя Камчатки. Более подробное высказывание по данному вопросу принадлежит Н. В. Слюнину, автору капитальной работы об Охотско-Камчатском крае. В своем исследовании он использовал всю имевшуюся к тому времени литературу и личные наблюдения. По его мнению, камчадалы «по языку, подобно корякам, чукчам и гилякам, занимают изолированное положение в азиатской семье народов, но по внешности имеют монгольский тип; земляная юрта по своему устройству и внутреннему расположению носила китайский тип. Поэтому можно заключить, что камчадалы представляют более древних выходцев из Средней Азии, чем тунгусы; Зибольд (см. Шренк, т. I, стр. 265) думает, что они пришли через страну, занятую айнами, которые, по его предположению, тогда жили в низовьях Амура»²¹. Эти за-

¹⁶ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 443, 444, 459.

¹⁷ Там же, стр. 376.

¹⁸ G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen. Lebensart und verschiedener Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S. (herer). Frankfurt und Leupzug, 1774, p. 327.

¹⁹ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 328—330, 444—448.

²⁰ В. Маргаритов, Камчатка и ее обитатели, «Записки Приамурского отд. РГО», т. V, вып. I, Хабаровск, 1899, стр. 104.

²¹ Н. В. Слюнин, Охотско-Камчатский край, т. I, СПб., 1900, стр. 402.

ключения Н. В. Слюнина далеко не бесспорны, однако главное в них — утверждение, что ительмены, или, как он их называет, камчадалы, в языковом отношении занимают изолированное положение среди народов Азии, — остается верным.

Особое место в истории изучения ительменов занял В. И. Иохельсон, который в 1908—1911 гг. руководил этнологическим отрядом Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского. К сожалению, собственно этнографические результаты этой экспедиции оказались весьма скромными, видимо, потому, что главное внимание В. И. Иохельсона было направлено на «изучение взаимоотношений между исконным населением Камчатки (до XVII в.) и населением западных американских побережий Берингова моря»²².

В. И. Иохельсон опубликовал лишь отчет об археологических исследованиях на Камчатке: кроме того, в 1961 г. уже другими лицами были опубликованы собранные им материалы по фольклору ительменов²³. Тем не менее в одном из своих сочинений он счел возможным высказаться, и притом довольно определенно, относительно принадлежности ительменского языка к чукотско-корякской группе. Он писал: «Камчадалский (ительменский. — И. В.) язык изучался мною в двух наречиях, сохранившихся на западном берегу полуострова Камчатки, составляет вместе с языками коряцким и чукотским, исследованными В. Г. Богоразом, одну родственную группу. Эти три языка, по-видимому, произошли из одного общего праязыка»²⁴. «Можно считать установленным, — отмечал он несколько ниже, — на основании материалов, собранных Богоразом и мною, что чукотский, коряцкий и камчадалский языки развились из одного праязыка»²⁵. Это уже весьма определенное заключение. Однако оно остается мало убедительным, так как не подкреплено необходимыми материалами.

В. Г. Богораз, который явился первым автором научных, в современном понимании, замечаний по ительменскому языку, был более осторожен в этом вопросе.

С особым вниманием исследователи отнеслись к появлению в 1922 г. в издании Смитсоновского Института работы В. Г. Богораза «The Chukchee». В этой работе содержится первый научный очерк прагматики чукотского языка, параллельно с описанием которого автор дает в сравнительно-сопоставительном плане аналогичные данные о языке коряков (каменский диалект) и, в меньшей степени, о языке ительменов (охотский и седанкинский диалекты). В. Г. Богораз в этой обширной работе нигде не ставит и не решает никаких проблем из области генетических и исторических взаимоотношений и взаимовлияний между чукотским, корякским и ительменским языками. Он просто констатирует наличие главным образом общих или сходных элементов в фонетике этих языков, а также приводит примеры фонетических соответствий ительменского языка, чукотского и корякского языков. Необходимо здесь заметить, что встречающиеся соответствия обнаруживаются в словах, по всей видимости привнесенных в ительменский язык из корякского и соответственным образом фонетически переработанных.

Морфологические сопоставления занимают значительно большее место. В них даются парадигмы склонения имен, спряжения глаголов, некоторые элементы словообразовательного и словоизменительного аппарата ительменского языка. В данном случае В. Г. Богораз как бы приравнивает ительменский язык к хорошо разработанной им чукотской морфо-

²² В. И. Иохельсон, Археологические исследования на Камчатке, «Изв. РГО», т. LXII, вып. 3, 1930, стр. 199.

²³ D. S. Worth, Kamchadal Texts collected by W. Jochelson. The Hague, 1961.

²⁴ В. И. Иохельсон, Записка В. И. Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен Крайнего Северо-Востока Сибири, 1915, стр. 135.

²⁵ Там же, стр. 137.

логической модели. Того, что выходит за рамки этой модели, В. Г. Богораз почти не касается. Из всей этой его работы видно, что автор искал лишь общие черты и общие элементы, которые сближают ительменский язык с языками корякским и чукотским, но совершенно не исследовал того, что отличало ительменский язык от этих языков. Такой задачи он, видимо, не ставил.

На основании работы В. Г. Богораза мы можем лишь узнать, в чем обнаруживается сходство ительменского языка с корякским и чукотским. Каков же объем обнаруженного сходства применительно ко всей системе ительменского языка, каково место и происхождение данного языка — этого Богораз не исследовал и об этом не говорит. Однако для постановки вопроса об этнической и языковой принадлежности ительменов совершенно необходимо было определить тип связи их языка с языками корякским и чукотским. Нужно было установить — генетическими или только историческими узами связан ительменский язык с языками своих северных соседей, а для этого, в свою очередь, необходимо было максимально полное освещение всех явлений языка и, в частности, исследование его материальной основы, т. е. лексики. Лексика наряду с грамматическим строем является наиболее ответственным критерием при решении вопроса о принадлежности данного языка к той или иной группе. Применительно же к ительменскому языку этот вопрос в труде Богораза решен не был.

Особенно пристальное внимание привлекли к себе народности Севера в советское время, когда потребовалось усилить темпы их культурного развития и когда встал вопрос об основательном изучении их языков, культуры и быта. К 1930-м годам каким-то образом установилось твердое мнение, что ительменский язык относится к чукотско-корякской группе языков; самих же ительменов стали считать частью этой этнической общности. Особенно прочно такое представление укоренилось после выхода в свет ряда статей, рассматривающих проблемы письменности²⁶, а также статьи С. Н. Стебницкого об ительменском языке²⁷. Во всех этих работах ительменский язык рассматривался как принадлежащий к чукотско-корякской группе языков. Правда, ни в одной из них не говорилось о генетической общности этой группы народностей и их языков с такой прямолинейностью, как это делал В. И. Иохельсон.

Судить о языковой и этнической принадлежности ительменов с определенной уверенностью можно лишь на основе привлечения материалов не только лингвистики, но и всего комплекса смежных с ней дисциплин: антропологии, археологии и этнографии.

По имеющимся в нашем распоряжении языковым материалам, основа ительменского языка не имеет генетических связей с языками чукотским и корякским. Путем специального сопоставительно-сравнительного изучения лексики ительменского языка (его западнокамчатских диалектов, ныне еще сохраняющихся), Н. А. Богданова нашла лишь около 300 корней (основ), общих с чукотским языком и диалектами корякского языка²⁸. Наличие чукотско-корякские элементы оказались в языке ительменов лишь в результате длительного взаимодействия с носителями восточных и западных диалектов корякского языка. Это относится не только к лексике, но и к грамматике.

²⁶ К. Я. Лукс, Проблема письменности у туземных народностей Севера, «Сов. Север», 1930, № 1; Я. П. Алькор (Кошкин), Письменность народов Севера, «Сов. Север», 1931, № 10; его же, Вопросы создания и развития национально-литературных языков Севера, в кн. «Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера», М.—Л., 1932; Е. П. Орлова, К вопросу создания письменности у народов Севера, «Сов. Север», 1932, № 4 и др.

²⁷ С. Н. Стебницкий, Ительменский (камчадалский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.—Л., 1934.

²⁸ Н. А. Богданова использовала рукописный ительменско-русский словарь (около 4000 слов), составленный Т. А. Молл.

По общему признанию языковедов, фонетическая система ительменского языка резко отличается и качественно и количественно от фонетической системы корякского и чукотского языков²⁹. В настоящее время ительменский язык несет в себе очевидные черты заимствований из корякского и русского языков, особенно из последнего. Как правило, из корякского и русского языков заимствуются не только слова, но и те грамматические формы, в которых эти слова чаще всего употребляются. Поэтому в морфологической структуре ительменского языка можно обнаружить и формы прилагательных корякского типа (нирвык'ин хвалч — 'острый нож'), пришедшие вместе с корякскими словами, и формы прилагательных русского языка — заимствованные вместе с русскими словами (вострой хвалч — 'острый нож'). Наряду с этими формами существует своя ительменская система обозначения признаков предметов (качественных и относительных), отличающаяся от чукотской и корякской. По-своему, со своими особыми показателями образуются в ительменском языке наречия (суф. *к*, интенсивность качества выражается префиксом *хи ~ хе*). Среди наречий также много заимствований из русского языка (как правило, в формах этого языка).

Система склонения имен отличается от принятой в чукотском и корякском языках, как количеством падежей (их 6), так и показателями этих падежей³⁰. С иными показателями образуется множественное число имен существительных, в том числе путем флексии, что совершенно не свойственно ни корякскому, ни чукотскому языкам. То же следует сказать о спряжении глаголов, которое отличается от корякско-чукотского не только формальными показателями, но и наличием особых форм и типов спряжения «одушевленных» и «неодушевленных» глаголов и др. Таким образом, ительменский язык, помимо кардинальных фонетических и лексических отличий от корякского и чукотского языков, имеет также радикальные отличия и в области морфологии, несмотря на наличие определенных черт типологического сходства.

Сомнения относительно генетической связи ительменов с коряками и чукчами усиливаются, когда мы обращаемся к данным антропологии, археологии и этнографии. По мнению Г. Ф. Дебеца, ительмены обладают рядом антропологических признаков, которые дают основание выделять их из общей массы северо-восточных палеоазиатов. Так, он полагает, что «история формирования антропологических типов коряков шла, в общем, тем же путем, что и у чукчей, но осложнялась в процессе взаимодействия с «ительменским» типом, который хотя и близок к «оленному» типу, *но все же достаточно своеобразен*»³¹ (курсив мой.— И. В.). Это мнение основано на современных данных, которые, как известно, сильно осложнены напластованиями, возникшими в результате смешения ительменов и с коряками (в более ранний период), и особенно с русскими. Несмотря на весьма интенсивное смешение с русскими на протяжении последних двух с половиной веков, «ительмены и особенно камчадалы, — отмечает Г. Ф. Дебеч, — все-таки более темнокожи, чем коряки». В прошлом эти различия были, как он полагает, еще большими³².

²⁹ С. Н. Стебницкий, Указ. раб., стр. 86—89; Т. А. Молл, Очерк фонетики и морфологии седанкинского диалекта ительменского языка, «Уч. записки Ленинградского гос. пед. ин-та, им. А. И. Герцена», т. 167, Л., 1960; А. П. Володин, А. Н. Жукова, Ительменский язык, «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 334—336; D. S. Worth, La place du Kamtchadal parmi les langues soi-disant paleosibiriennes, «Orbis», Louvain, t. II, 2, 1962. Автор последней статьи обратил внимание также и на отличия ительменского языка от корякского и чукотского в морфологии. Он отмечает, кроме того, большие расхождения в лексике этих языков.

³⁰ Ср. соответствующие разделы названных выше работ по ительменскому языку.
³¹ Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, М., 1951, стр. 115.

³² Там же, стр. 117.

Есть и другие признаки генетической обособленности ительменов от коряков и чукчей. «В описании физического типа коряков (по-видимому, в первую очередь оленных), — пишет Г. Ф. Дебеч, — заслуживает внимание замечание С. П. Крашенинникова о том, что носы у них «короткие, однако не столь плоски, как у камчадалов» (стр. 449 и 727). Если это наблюдение соответствует действительности, то отсюда следует, что, по крайней мере, по одному из важнейших признаков, служащих для разграничения азиатских и американских форм монголоидной расы, ительмены, еще не смешанные с русскими, сближались скорее с первыми»³³.

Для решения поставленного вопроса необходимо привлечь и археологические материалы, правда, не очень многочисленные. С. И. Руденко выделил на Камчатке три археологических комплекса. Наиболее древний из них, который он связывает с ительменами, распространен, по его мнению, в средней части полуострова. По его заключению, этот «археологический комплекс, характерный для предков ительменов, не обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного островного мира, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья»³⁴. Коряков С. И. Руденко считает более поздними пришельцами на Камчатку, чем ительменов.

Археологические раскопки Н. Н. Дикова на берегу Ушковского озера принесли новое подтверждение глубоким отличиям культуры ительменов от культуры их соседей — северо-восточных палеоазиатов. Преемственность культуры современных ительменов Н. Н. Диков прослеживает от времени позднего неолита. Последний характеризуется данными раскопок верхнего слоя Ушковской стоянки. В материалах этой стоянки весьма отчетливо отображена культура рыболовов. На вскрытой землянке обнаружено кострище «с мощным напластованием пережженных рыбных костей». Очевидно рыболовство было основным источником жизни, что получило отражение и в идеологии. «Здесь же приносились жертвы божеству-покровителю рыболовов, очевидно весьма сходному с ительменским Хантаем, — по описанию С. Крашенинникова, — полурыбой-получеловеком». В особой яме Н. Н. Диков обнаружил остатки состоявшего из кусков дерева и бересты изображения этого божества в виде рыбы, а также следы жертвенных костров³⁵.

Нельзя не согласиться с выводом Н. Н. Дикова, который считает, что «с достаточным основанием, но пока, к сожалению, при полном отсутствии антропологических данных можно предположить, что все эти стоянки принадлежат предкам ительменов, истых рыболовов». Как раз сам факт отсутствия антропологического материала и является подтверждением прямой связи этого памятника именно с ительменами, так как они еще в первой половине XVIII в. оставляли покойников на поверхности земли, о чем писали и Стеллер, и Крашенинников.

Для ближайших соседей ительменов на севере, т. е. для коряков, рыболовство приобрело важнейшее хозяйственное значение только в XIX в., до этого оно лишь дополняло охоту на парнокопытных и морских млекопитающих. Никаких культов, связанных с рыболовством, у коряков нет. Не известны они и в прошлом.

На отличительные черты древней материальной культуры ительменов указывал и М. Г. Левин. При этом он имел в виду четырехугольной формы землянки, а также толстостенные сосуды с рельефным орнаментом в виде поперечных выпуклых полос с желобками между ними, с уш-

³³ Г. Ф. Дебеч, Указ. раб., стр. 118.

³⁴ С. И. Руденко, Культура доисторического населения Камчатки, «Сов. этнография», 1948, № 1.

³⁵ Н. Н. Диков, Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных, «История и культура народов Северо-Востока СССР», Магадан, 1964, стр. 13.

ками для подвешивания у верхнего края внутри сосуда³⁶. По существу и М. Г. Левин видел в ительменах особое этническое начало. Признавая вслед за другими авторами языковое родство, близость антропологического типа ительменов и коряков, он в то же время говорил лишь об общем ареале их формирования (т. е. об исторически сложившихся условиях устойчивых контактов), что конечно, не равнозначно генетическим истокам, генетическому родству.

Таким образом, и антропологические, и археологические материалы укрепляют основательность наших сомнений относительно генетического единства ительменов с коряками и чукчами.

Что касается этнографических материалов, свидетельствующих об отличиях культуры ительменов от культур их северных и южных соседей, то такие содержатся в работе С. П. Крашенинникова и касаются всего комплекса материальной и духовной культуры этого народа. Сопоставление и перечисление всех этих особенностей заняло бы слишком много места, что невозможно сделать в рамках статьи. Кроме того, некоторые из них уже отмечены выше. Все же я считаю нужным напомнить некоторые факты.

Ительмены были в первую очередь типичными речными рыболовами³⁷. Все остальные занятия играли в их жизни второстепенное значение. Их материальная культура вплоть до типа летнего жилища, которое одновременно служило помещением для хранения запасов (продуктов рыболовства) была всецело приспособлена к данному занятию. Об этом свидетельствуют и свайные постройки (так называемые балаганы), и долбленые лодки-баты для плавания по рекам, и запоры для рыбы на реках. Промысел морских млекопитающих (нерп) производился на предустьевых отмелях (где находились лежбища), и то, по-видимому, только теми ительменами, которые жили ближе к устьям рек.

Второе по значению место в хозяйственных занятиях ительменов принадлежало заготовке разных дикорастущих трав, одни из которых употреблялись в пищу, другие применялись как средства народной медицины, третьи заготавливались и использовались для плетения циновки, накидок и других предметов быта. Не случайно некоторые виды трав широко использовались ительменами в качестве неперемного атрибута при всевозможных ритуальных отправлениях (тоншич). Ничего подобного не было у коряков (если не считать кое-каких заимствований от ительменов). В отношении использования растений в быту и вообще в хозяйстве ительмены далеко превосходили коряков и других соседей. Еще известный историк Сибири П. А. Словцов обратил внимание на эту особенность ительменов. «Где вы найдете племя,— писал он,— с таким удивительным знанием ботанизирующее? Камчадалы и камчадалки — самоучки, но знают вредоносные, питательные, целебные, лакомые силы всех прозябаний и трав, на их полуострове растущих»³⁸.

Эти основные занятия ительменов получили соответствующее отражение в названиях месяцев, совершенно отличных от корякских и чукотских.

С. В. Иванов, занимающийся искусством народов Сибири и в том числе Севера, пришел к выводу, что искусство ительменов также стоит особняком от искусства чукчей и коряков. Оно имеет много существенных отличительных черт. Таким образом, эти немногочисленные пока этнографические материалы дают основания не считать ительменов генетически родственными корякам и чукчам.

³⁶ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1958, стр. 228.

³⁷ Н. К. Старкова, Пища ительменов, «Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока (секция общественных наук)», Владивосток, 1965, стр. 65—68.

³⁸ П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, СПб., 1886, ч. I, стр. 138.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Особенности языка и культуры ительменов свидетельствуют об ином генетическом истоке их этнической истории, нежели истоки коряков и чукчей. Вместе с тем эти же материалы говорят о том, что имеющиеся в настоящее время значительные элементы общности ительменов с коряками и чукчами, как в языке, так и в культуре — есть следствие контактов исторического порядка.

2. Язык и культура ительменов пока не находит себе ближайших «родственников» ввиду их недостаточной изученности и неудовлетворительности знания этнической истории этого народа. Возможно, что ительмены остались таким же народом-одиночкой, какими оказались, например, нивхи или айны. Вопросы этнической и языковой принадлежности ительменов нуждаются в серьезном и всестороннем исследовании.

3. Выявленные материалы по языку и культуре ительменов уже сейчас дают основание считать их особой народностью, генетически не связанной с так называемыми северо-восточными палеоазиатами (чукчи и коряки).

ON THE PROBLEM OF THE ETHNOGENESIS OF THE ITELMENS

The Itelmens have been erroneously regarded as genetically related to the Chukchi Koryak peoples within the North-East Paleoasiatic group. As a result of prolonged and intensive contacts with the Koryaks the Itelmens not only borrowed from them certain elements of material culture, but also underwent considerable linguistic influence; this gave the impression of their common origin. However a more thorough study of linguistic material reveals a fundamental difference between the Itelmen language and those of the Chukchi and the Koryaks. Ethnographic differences distinguishing the Itelmens from the Koryaks and the Chukchi are also supported by archaeological and anthropological material. Therefore the Itelmens are a separate people.
